

Ю. Шамурин

Ростов Великий. Троице-Сергиева лавра
Культурные сокровища России, выпуск 6

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Ю11

Ю11 **Ю. Шамурин**
Ростов Великий. Троице-Сергиева лавра: Культурные сокровища России, выпуск 6 / Ю. Шамурин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 81 с.

ISBN 978-5-458-13822-2

Русская культура не богата материальными памятниками. Тревожное прошлое способствовало разрушению всего накопившегося веками. Опустошительные пожары уничтожили больше, чем вражеские набеги и междоусобия. Даже от XVII века осталось так мало, что может казаться, - не было в эту эпоху никакой цельной и развитой культуры.

ISBN 978-5-458-13822-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ды, далекихъ деревень. Всюду на зелени полей бѣлѣютъ монастыри и старыя церкви...

Эти монастыри, примыкающіе къ Ростову, дополняютъ тѣ представленія о творествѣ XVII вѣка, которыя даетъ кремль. Только дополняютъ, потому что основное, незамѣнимое ядро—кремлевскія церкви и палаты!

Одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ русскихъ, когда-то равный славою и богатствомъ Новгороду и Киеву, цвѣтущей центръ мысли и культуры въ тѣ вѣка, когда еще не существовала Москва, Ростовъ Великій теперь—тихий уѣздный городъ Ярославской губерніи, промышляющій огородничествомъ, выдѣлкой цикорія и махорки...

Вся Ярославская губернія, даже изъ окна поѣзда, производитъ сравнительно съ центральной Россіей впечатлѣніе зажиточности и культурности. Много лѣсовъ и луговъ, все время мелькаютъ церкви, деревни съ желѣзными крышами. Станціи чисты, нѣтъ убогихъ коричневыхъ зипуновъ и лаптей.

Въ лицахъ господствуетъ одинъ, ярко выраженный, великорусскій типъ: большія русыя бороды, свѣтлые глаза, высокій ростъ. Степенный мѣстный говоръ на «о» дополняетъ впечатлѣніе чего-то самобытнаго и крѣпкаго.

И Ростовъ, небольшой уѣздный городъ, поддерживаетъ «европейскую» репутацію Ярославской губерніи. Улица, тянущаяся отъ вокзала, съ деревяннымъ тротуаромъ, усѣяна веселыми разноцвѣтными и яркими домами съ рѣзьбой, съ разными архитектурными «прикладами». Въ городѣ тихо, мирно, много зелени. Нѣтъ безпробуднаго пьянства столицы, нѣтъ озлобленныхъ лицъ и ругани. Какая-то монастырская или древне-русская степенность царитъ въ городѣ. Сразу о старинѣ ничто не говоритъ. Попадаютъся бѣлыя церкви обычнаго ярославскаго типа съ большими чешуйчатыми главами на узкихъ шейкахъ, однако хранящія искажающія наслоенія XVIII и XIX вѣковъ...

Совершенно неуловимыя черты сближаютъ древніе памятники ярославскихъ городовъ съ ихъ теперешней жизнью. Остатки старины стоятъ на площадяхъ и улицахъ, какъ прочный фундаментъ той жизни, что шумитъ теперь кругомъ нихъ. Здѣсь не чувствуется разрыва между прошлымъ и настоящимъ, и это впечатлѣніе глубокой почвенности жизни и культуры придаетъ памятникамъ старины особое серьезное значеніе, выдвигаетъ ихъ какъ нужную и важную сторону жизни. Въ русскихъ городахъ крайне рѣдко приходится чувствовать эту связь исторіи и современности, и нигдѣ не чувствуется она такъ сильно, очевидно и упорно, какъ въ Ростовѣ!

Центральная, древняя часть города, заключающая въ себѣ кремль отдѣлена отъ пригородовъ широкой полосой луга. На немъ замѣтна

небольшая насыпь, мирно заросшая травой: то остатки земляного вала, окружавшаго весь городъ, насыпаннаго въ 1630-хъ годахъ. По сообщенію лѣтописи «въ 140 (1632) году въ Ростовѣ начали дѣлать городъ земляной тремя городами: Ростовомъ, Кинешмой, Пошехонью; а работниковъ было пѣшихъ 1000, да конныхъ 100; а землю на огородъ возили тележками на одномъ колесѣ, а конныя телеги были дѣланы на двуколесахъ, ящики на ветлугахъ; а мастера были нѣмцы, а дѣлали три лѣта...»¹⁾).

Въ центрѣ города тянутся безконечныя аркады торговыхъ рядовъ. Надъ ними высятся многочисленныя серебристыя главы Успенскаго собора, его звонницы, прочихъ кремлевскихъ церквей, и наконецъ показываются стѣны и башни кремля, выкрашенныя въ лиловато-розовую краску. Глазъ долго не мирится съ этимъ необычнымъ тономъ; хочется бѣлаго, «бѣлокаменнаго» кремля, дающаго такой плѣнительный контрастъ съ голубымъ небомъ, съ зеленью травы...

Издали кремль представляется сказочнымъ древне-русскимъ городомъ, тѣсно сплоченнымъ, усѣяннымъ острыми верхами башенъ и безсчетными куполами. Нѣсколько десятковъ куполовъ поднимается надъ розовыми стѣнами и сливается разрозненныя части кремля въ одну архитектурную мелодію. Такой видъ ростовскаго кремля не случаенъ: каждый древне-русскій городъ долженъ былъ представлять такую же картину—компактную массу стѣнъ, воротъ, башенъ, палатъ, увѣнчанную обильными куполами. Таковъ долженъ былъ быть и московскій кремль до Троицкаго пожара 1737-го года, и отчасти до «расчистки» его П. С. Валуевымъ въ началѣ XIX вѣка. Современная эстетика и практическія потребности заставили старыя части всѣхъ живыхъ донинѣ древне-русскихъ городовъ измѣнить свой обликъ, сдѣлавъ его болѣе планомѣрнымъ, менѣе тѣснымъ, менѣе компактнымъ. Только казанскій кремль издали даетъ впечатлѣніе стариннаго «града»...

Ростовъ же, не привлекавшій ничьего вниманія въ XIX вѣкѣ, затихшій съ уничтоженіемъ въ немъ митрополичьей кафедры, остался такимъ древнимъ „градомъ“. Рядъ деревянныхъ домиковъ отдѣляетъ Кремль отъ большого ростовскаго озера Неро. Сонное, сѣрое, поросшее камышомъ и словно ветхое, оно отражаетъ въ своемъ мутномъ зеркалѣ розовыя стѣны Кремля. И отъѣхавъ на лодкѣ на нѣсколько десятковъ сажени, чтобы утратить всѣ незначительныя детали современной жизни, чувствуешь себя магически перенесеннымъ въ дальніе вѣка, когда по берегамъ Волги, Волхова, Великой высились такіе же города-монастыри...

¹⁾ А. Титовъ. Описаніе Ростова Великаго. М. 1891 г.

ИСТОРИЯ РОСТОВА.

О началѣ Ростова молчатъ не только лѣтописи, но нѣтъ и устныхъ преданій, легендъ, которыя такъ цвѣтисто и поэтично украшаютъ первые темные вѣка существованія древнихъ русскихъ городовъ...

Основаніе города относится къ незапамятной древности, болѣе ранней, чѣмъ народныя легенды и сказанія. Ростовъ—одно изъ древнѣйшихъ поселеній славянъ среди финскаго племени мери, обитавшей въ сѣверномъ Поволжьи. Ростовъ, несомнѣнно, основанъ новгородцами, сохранившими въ новомъ городѣ тѣсную связь съ метрополіей, какъ въ области обычаевъ, такъ и порядковъ.

Тѣ легенды о началѣ Ростова, которыя дошли до насъ, носятъ отпечатокъ позднѣйшаго сочинительства; по мнѣнію Д. А. Корсакова ¹⁾, ихъ создали составители временниковъ XVII вѣка, большіе мастера на вымышленную генеалогію, рискованныя заключенія, и подчасъ склонные къ фантазіи. По этимъ сказаніямъ основателемъ Ростова былъ Россъ, исторія котораго весьма напоминаетъ кіевское преданіе о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ.

Выборъ мѣста для Ростова вполне въ обычаяхъ новгородскихъ насельниковъ. Стратегическія и экономическія побужденія обычно совпадали для колонизаторовъ Поволжьи. Ростовское озеро соединено рѣчкой Которослю съ Волгой, причемъ при устьи ея былъ срубленъ городъ Ярославль, являвшійся какъ бы форпостомъ Ростова. По берегамъ озера Неро возникаетъ нѣсколько, частью еще мерянскихъ, поселеній и центромъ ихъ становится Ростовъ.

Въ Ростовѣ прочно укрѣпился вѣчевой строй. Княжеская власть почти такъ же ограничена, какъ и въ Новгородѣ. Сильное земское боярство господствовало на вѣчѣ и парализовало княжеское самодержавіе. Владимірскій и ростовскій лѣтописцы, хотя и съ разныхъ точекъ зрѣнія, указываютъ на зависимость князя отъ бояръ, на вынужденную «ласковость» князей.

¹⁾ „Меря и ростовское княжество“, 1872 г.

Первоначальное насаждение христіанской культуры въ Ростовѣ произведено кievскими пришельцами. Преданія сильно разнорѣчатъ относительно первыхъ насадителей христіанства. По однимъ преданіямъ Владиміръ послѣ крещенія отправился въ Суздальскую землю съ двумя епископами, по другимъ—изъ Новгорода пришелъ въ Ростовъ кievскій митрополитъ Михаилъ съ 4 епископами, но оба показанія сходятся въ томъ, что пришедшіе въ Ростовъ епископы были присланы изъ Византіи патриархомъ Фотіемъ...

Апостолы христіанства приносили съ собою зачатки новой культуры: «иде по русской земли и учаше всѣхъ вѣровать въ единого Бога въ Троицѣ славимаго и науча и наказуя благоразумно и благочестно многихъ, и крести безъ числа людей, и многе церкви воздвиже, и пресвитеры и діаконы постави, и клиросы устрои и уставы благочестно устави»... Первая пропаганда христіанства въ Ростовѣ была неудачна. Греки епископы—Ееодоръ и Иларіонъ—«избѣгоша, нетерпяще невѣрія и досажденія людей»...

Въ X вѣкѣ лѣтописныя извѣстія молчатъ о Ростовѣ. Ростовъ, какъ и вся суздальская земля, не принималъ участія въ политической жизни страны и не вызывалъ вниманія князей. Лѣтопись Нестора подъ 988 годомъ отмѣчаетъ, что Ростовъ достался сыну Владиміра—Ярославу, скоро покинувшему его ради Новгорода. Ростовъ мало привлекалъ князей, затерянный среди лѣсовъ, вдали отъ широкихъ политическихъ путей, и они посѣщали его только наѣздами.

Съ XI вѣка Ростовъ начинаетъ быстро усиливаться, богатѣть и пріобрѣтаетъ политическое значеніе. При князѣ Юріи онъ уже носитъ наименованіе Великаго, хотя князья по прежнему не живутъ въ Ростовѣ, предпочитая ему Новгородъ, Владиміръ, позднѣе Суздаль.

Именуемый уже въ XII вѣкѣ «Великимъ», Ростовъ долженъ былъ пространствомъ и населенностью не уступать тогдашнимъ столицамъ Руси—Кіеву и Новгороду. Въ житіи Исидора Твердислова, ростовскаго святого XV вѣка, Ростовъ названъ «славный и многонародный градъ». Въ житіи св. Игнатія, ростовскаго епископа XIII вѣка, сказано, что на погребеніе его «стечеса весь градъ Ростовъ, множество безчисленнаго народа».

Кажется страннымъ, что при такомъ многолюдствѣ и богатствѣ Ростова, князья не стремятся обращать его въ свою резиденцію. По отрывочнымъ намекамъ, заключеннымъ въ лѣтописяхъ, можно думать, что уже самое «величіе» Ростова, интенсивный и свободный ходъ его жизни смущалъ князей. Ростовскіе бояре издавна славилась своимъ «буйствомъ», горожане же представляли активную, легко воспламеняющуюся массу; бунты, изгнанія и даже убійства неугодныхъ лицъ, вплоть до епископовъ, не были рѣдкостью въ исторіи Ростова...

Такимъ образомъ Ростовъ не былъ ареной княжескихъ междоусобій и вражескихъ набѣговъ. Здѣсь, въ отдаленіи отъ шумныхъ княжескихъ дворовъ и походовъ, накоплялась христіанская культура, строились церкви, ширилась образованность. Ростовскіе монахи издавна славились своей образованностью, монастыри — своими библіотеками. Многочисленные православные дѣятели и апостолы русскаго христіанства вышли изъ Ростова. Въ XI вѣкѣ здѣсь уже были церкви; «чюдна зело и преудивленна, якоже не была и не вѣмы будетъ ли», говоритъ лѣтописецъ объ Успенскомъ соборѣ. Этотъ соборъ имѣлъ для Ростова такое же значеніе, какъ святая Софія для Кіева и Новгорода.

Въ XI вѣкѣ ростовскіе епископы уже развѣтываютъ энергичную проповѣдническую дѣятельность, то укрѣпляя христіанство въ средѣ непокорныхъ и неустойчивыхъ ростовцевъ, то проповѣдая его по окрестнымъ землямъ. Настойчивый проповѣдникъ епископъ Леонтій, который «изъ царскаго града, яко солнце граду Ростову возсіялъ», былъ изгнанъ ростовцами изъ города, а въ 1073 году былъ убитъ ими. Его преемникъ Исаія, опять-таки прибывшій изъ Кіева, не искоренилъ язычества даже въ самомъ городѣ Ростовѣ. Въ самомъ городѣ существовалъ «чюдскій конецъ, единаче поклоняшеса идолу каменну, омраченни бо суть сердца ихъ бѣсовскимъ дѣянїемъ». Современнику Исаіи Аврааму, основателю Богоявленскаго монастыря, пришлось много силъ потратить на борьбу съ этимъ «чюдскимъ концомъ», по преданію поклонявшимся идолу Велесу.

Ростовъ былъ городомъ мира. Въ тѣ вѣка, когда лѣтописи представляются сплошнымъ синодикомъ междоусобицъ, набѣговъ и разрушеній, Ростовъ упоминается мало, рѣже всѣхъ прочихъ городовъ Суздальской земли. Только въ 1135 году возникли споры между князьями, и 13-го января 1135-го года «на Жданой горѣ» произошла битва новгородцевъ съ ростовцами, при чемъ новгородцы «были посрамлены», а ростовцы возвратились «съ побѣдою великою»...

При Андрѣѣ Боголюбскомъ Ростовъ получилъ значеніе религіознаго центра Суздальской земли. Во время пожара 1160-го года сгорѣлъ соборъ и при его разрушеніи были найдены мощи епископовъ Леонтія и Исаіи. Для Суздальской земли и ея князя наступило великое торжество: теперь его земля сравнялась съ прочими русскими религіозными центрами, обладавшими святителями и мощами. Несмотря на такое преимущество Ростова, Андрей Боголюбскій избралъ своей резиденціей Владимірѣ, а позднѣе основанный имъ самимъ городъ Боголюбовъ.

Единственнымъ княземъ, полюбившимъ Ростовъ, былъ Константинъ, сынъ Всеволода. Въ 1212 году отецъ его «нача изнемогати» и хо-

тѣль дать сыну «великое княженіе Владимірское», но тотъ отказался, отвѣтивъ отцу: «Отче чюдный и любезной, не возбраня на мя худого, яко не хошу просить у тебя, аще даси ми тако, понеже много возлюби мя еси, и старѣйшаго мя сына имаши, и старѣйшину мя хощещи устроити, то даждь ми старый, начальный градъ Ростовъ, и къ нему Володиміръ; аще ми не хоцетъ твоя честность тако сотворити, то даждь ми Володиміръ и къ нему Ростовъ. Не призри моленія моего, отче, аще угодно ти есть»...

Ростовъ былъ отданъ Константину отцомъ въ 1207 году, вмѣстѣ съ Ярославлемъ, Бѣлоозеромъ, Устюгомъ Великимъ, Углече-полемъ и Костромой. Всеволодъ не исполнилъ просьбы сына и назначилъ наследникомъ Юрія. Но Константинъ «воздвиге брови своя гнѣвомъ на князя Юрія, брата своего»... Тогда Ростовско-Суздальская земля раздѣлилась на два самостоятельныхъ княженія. Юрій сѣлъ во Владимірѣ и Суздальѣ, Константину достался Ростовъ и Ярославль.

Лѣтописи оставили намъ достаточно свѣдѣній, чтобы судить о характерѣ князя Константина. Онъ рисуется ученымъ, кроткимъ и добродѣтельнымъ; онъ любитъ свой святой городъ и послѣ пожара, поглотившаго почти весь Ростовъ, заботится прежде всего о восстановленіи храмовъ. Очень интересную параллель проводитъ Д. А. Корсаковъ между Константиномъ и Владиміромъ Мономахомъ, между двумя типами древне-русскихъ князей — труженникомъ и воителемъ.

«Константинъ по природѣ своей князь «мира», — онъ натура далеко не воинственная. Мономахъ наоборотъ: онъ какъ истинный представитель юга — князь воинъ. Сравните такъ называемое «Поученіе Владиміра Мономаха» съ наставленіями дѣтямъ передъ смертью Константина Всеволодовича. Какое различіе въ пониманіи «идеала князя», которое рисуетъ вамъ тотъ и другой, какое различіе въ пониманіи своего служенія землѣ у того и другого! Мономахъ, прошедшій свою многотрудную жизнь въ постоянныхъ бояхъ и усобицахъ съ иноплемennыми князьями, призываетъ на дѣтей своихъ миръ, любовь и совѣтуетъ имъ жить между собой дружно; но храбрость и умѣнье вести войну ставитъ первымъ условіемъ для «добраго князя», и охоту почитаетъ самымъ приличнымъ для него развлеченіемъ. Константинъ въ наставленіи своимъ дѣтямъ прежде всего указываетъ на «миръ», «спокойствіе». «Богъ мира да будетъ съ вами!» говоритъ онъ имъ и затѣмъ указываетъ на дѣла милосердія, благочестія и на книжное поученіе, какъ на главнѣйшія обязанности и заботы князя. Нигдѣ ни слова о войнѣ, о dospѣхѣ, о «дѣлѣ ратномъ», о «бавѣ»¹⁾.

¹⁾ «Мера и Ростовское княжество». 1872 г.

Въ такомъ различіи характеровъ и міровоззрѣній князей сказалась не только индивидуальная разница, не только вліяніе протекшихъ между поученіемъ Мономаха и наставленіями Константина вѣковъ. Въ душѣ Константина есть что-то глубоко родственное той стихіи любви и кротости, которую несло христіанство, и которой отмѣчены дальніе вѣка исторіи Ростова. Такой же характеръ, такія же мысли мы наблюдаемъ и у позднѣйшихъ ростовскихъ князей. Таковъ же былъ и князь Василько, сынъ Константина, убитый въ 1227 году въ битвѣ съ татарами на рѣкѣ Сити. «Бѣ же князь Василько лицомъ красенъ, очима свѣтелъ и грозенъ, храбръ паче мѣры на ловѣхъ, сердцемъ легокъ, до бояръ ласковъ; ... мужество же и умъ въ немъ живяше, правда же и истина съ нимъ ходяста, бѣ бо всему хитръ и гораздо умѣя...»

Отъ XI и XII вѣковъ въ Ростовѣ остались только лѣтописныя сказанія. Однако, ихъ достаточно, чтобы утверждать, что въ эти глухіе вѣка здѣсь уже была своя, прочно внѣдрившаяся, развитая культура, своя религія, свои нравственные идеалы, своя философія. Учесть художественный уровень Ростова въ эти вѣка за отсутствіемъ какихъ бы то ни было вещественныхъ памятниковъ невозможно, но судя по другимъ мѣстамъ суздальской земли, гдѣ сохранились церкви XI и XII вѣковъ, тамъ процвѣтало зрѣлое и своеобразное искусство. Роскошные храмы Ростова, сооруженные въ это время, должны были близко подходить къ церквамъ Владиміра и Суздаля, поставленнымъ Андреемъ Боголюбскимъ и его преемниками...

Въ Ростовѣ развита была письменность; въ монастыряхъ, особенно Григорьевскомъ «Затворѣ», славились ученостью монахи, владѣвшіе греческимъ и латинскимъ языкомъ; отсюда выходили на всю Русь религіозные проповѣдники. Изъ Ростова вышелъ Стефанъ Пермскій, просвѣтитель зырянъ. Григорьевскій монастырь, отъ котораго сохранилась теперь только построенная въ XVII вѣкѣ церковь Григорія Богослова къ югу отъ Кремля, въ XIII вѣкѣ являлся просвѣтительнымъ центромъ на всю сѣверо-восточную Русь. Монастырь былъ гнѣздомъ греческой культуры и его ученые монахи славились знаніемъ многихъ языковъ, въ особенности греческаго. Здѣсь были обширныя бібліотеки. «Яко книги многы быша ту...»; велась лѣтопись; переводились и переписывались «Житія» и полемическія сочиненія. Однако, вещественныхъ памятниковъ этой дѣятельности уцѣлѣло очень мало. Между прочимъ въ бібліотекѣ Троицко-Сергіевской лавры сохранилась пергаментная рукопись «Житіе Нифонта», переписанная, а, можетъ быть, и переведенная съ греческаго, въ Ростовѣ.

Но въ 1237 году на эту культурную область налетѣли монго-

лы. «Нѣсть мѣста, ни веси, ни сель тацѣхъ рѣдко, говоритъ Владиміръскій лѣтописецъ, идѣ же не воеваша на Суждальской земли... Сотворися великое зло Суждальской земли; яко же зло не было ни отъ крещенія, яко же бысть нынѣ...» Послѣ кровавой битвы при Сити, всю землю суздальскую «плѣниша» татары; замучили ростовскаго князя Василька. Это событіе увѣковѣчено въ «Сказаніи о кончинѣ Василька». Тѣло князя было найдено въ Шеренскомъ лѣсу и принесено въ Ростовъ. Встрѣчая печальную процессію съ тѣломъ князя, ростовскій народъ «жалостныя слезы испущаючи, оставше такого утѣшенія...»

Въ XIV вѣкѣ кончается политическая самостоятельность Ростова; онъ переходитъ подъ власть Москвы. Въ 1330 году прибываетъ въ Ростовъ намѣстникъ московскаго князя бояринъ Василій Кочева. Жестокими мѣрами, невѣдомыми въ тихомъ и вольномъ Ростовѣ, оставляетъ онъ по себѣ кровавую память. „Увы, увы тогда граду Ростову, паче же и князьямъ его, яко отъяся отъ нихъ власть и имѣніе, и честь, и слава, и потянуша къ Москвѣ...» — говоритъ повѣсть о Сергіи Радонежскомъ. «И изыде повелѣніе великаго князя Ивана Даниловича, и посланъ бысть отъ Москвы на Ростовъ, аки нѣкій воевода, одинъ отъ вельможъ, именемъ Василій, прозвище ему Кочева, и съ нимъ Миняй. Егда внидоста во градъ Ростовъ, тогда возложиша велику нужу на градъ, да и на вся живущая въ немъ, и не мало отъ ростовцевъ москвичѣмъ имѣніа своя съ нужею отдаваху, а сами противу того на тѣлеси своемъ со укоризною взимающе: толико дерзновенія на Ростовомъ содѣяше, яко и епарха градскаго, старѣйшаго боярина, именемъ Аверкія, стремглавъ обѣсиша и возложиша на ня руки своя, и оставиша поругана, точию жива, и бысть страхъ велій на всѣхъ слышавшихъ сія, не токмо во градѣ Ростовѣ, но и во всѣхъ предѣлахъ его и въ волостяхъ и въ селѣхъ...»¹⁾

При княженіи Димитрія Донскаго ростовское княжество вмѣстѣ съ Ярославлемъ и Белоозеромъ окончательно входитъ въ составъ великаго княжества московскаго. Ростовскіе князья становятся въ одинаковое положеніе со служилыми чинами боярскими при московскомъ князѣ.

«Земское значеніе Ростова, уменьшаясь постепенно въ теченіи XIII вѣка, въ XIV уничтожается окончательно. Старшіе сыновья князей не стремятся уже болѣе занять непремѣнно столъ Ростовскій, а предпочитаютъ какой-нибудь незначительный городъ, въ родѣ Углече-Поле, этому нѣкогда «старѣйшему» городу, изъ-за котораго родо-

¹⁾ *Баранзинъ*. Исторія Государства Россійскаго. Т. IV.

начальникъ ростовскихъ князей Константинъ Всеволодовичъ поссорился съ своимъ отцомъ Всеволодомъ, «миродержцею Суздальской земли», вступивъ въ открытую вражду съ братомъ Юриемъ». ¹⁾).

Утративъ свою политическую самостоятельность, Ростовъ продолжаетъ оставаться религіознымъ центромъ сѣверо-восточной Руси. Уходъ отъ политическихъ волненій и споровъ способствовалъ культурному подъему Ростова. Та творческая роль, которую въ древней Руси брали на себя князья, переходитъ къ ростовскимъ іерархамъ. Въ центрѣ города, рядомъ съ доживающими свой вѣкъ княжескими палатами, разрастается и обстраивается обширный дворъ церковныхъ іерарховъ. Уже въ 1212-мъ году «лѣтопись о ростовскихъ архіереяхъ» упоминаетъ о церкви, поставленной «на епископлѣ дворѣ».

Епископскій дворъ находился въ предѣлахъ теперешняго кремля, по всей вѣроятности занимая его сѣверную часть. Епископы строятъ и украшаютъ ростовскія церкви. Въ концѣ XIV вѣка ростовскіе владыки уже именуются архіепископами. Московскіе цари, даже тѣ изъ нихъ, которые очень ревниво относились къ славѣ и значенію своей молодой столицы, не посягаютъ на религіозное величіе Ростова. Они пріѣзжаютъ въ Ростовъ на богомолье, а въ тревожныя години скрываются здѣсь, въ городѣ мира и тишины. Очень почиталъ Ростовъ Іоаннъ Грозный, посѣтившій его три раза, въ 1545, 1553 и 1571 годахъ. Здѣсь онъ построилъ на свое иждивеніе церковь Исидора Блаженнаго, хорошо сохранившуюся до нашихъ дней. Съ 1589 года ростовская епархія возводится на степень митрополіи ²⁾).

Въ смутное время Ростовъ сильно пострадалъ. На него обрушились не столько сами поляки, сколько «воры переяславцы», граждане Переяславля Залѣскаго, предавшіеся полякамъ. Осажденные ростовцы вмѣстѣ со своимъ митрополитомъ Филаретомъ заперлись въ соборѣ, но непріятель ворвался въ соборъ, устроилъ здѣсь бойню и взялъ въ плѣнъ митрополита. Послѣ 1613-го года «градъ Ростовъ скуденъ сушь по раззоренію». Страшный упадокъ Ростова послѣ смутнаго времени констатируется многочисленными свидѣтельствами. Въ 1619 году Ростовъ все еще не избавился отъ послѣдствій смутнаго времени; городъ «охудѣлъ»; тяглые люди разбѣжались, а многіе «ссѣчены», т.-е. убиты.

Въ 1632 году вокругъ города строится земляной валъ, объ уцѣлѣвшихъ остаткахъ котораго говорилось выше. Русская жизнь возвращается медленно въ свое обычное русло, и для Ростова наступаетъ новая и послѣдняя полоса расцвѣта. И въ дальнѣйшемъ, чѣмъ

¹⁾ Корсаковъ. «Мера и Ростовское княжество». 1872 г.

²⁾ «Лѣтопись о ростовскихъ архіереяхъ».

силнѣе порываетъ русская исторія связь съ допетровской эпохой, тѣмъ въ большее запущеніе приходитъ Ростовъ, нѣсколько разъ оказываясь на краю гибели: не разъ его святыни и древности были предназначены къ уничтоженію. Только случайность или во время раздавшійся голосъ какого-нибудь фанатичнаго цѣнителя родной старины спасалъ это чудо русскаго творчества отъ разрушенія!

Во второй половинѣ XVII вѣка въ Ростовѣ въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій идутъ обширныя работы по созданію кремля. Кромѣ того строятся многочисленныя церкви въ городѣ, идутъ работы во всѣхъ ростовскихъ монастыряхъ. Всѣмъ этимъ строительствомъ руководитъ ростовскій митрополитъ Іона Сысоевичъ, одна изъ крупнѣйшихъ и интереснѣйшихъ личностей русскаго XVII вѣка. Свое вліяніе и свои вкусы, шедшіе въ разрѣзъ съ обычными пріемами московскаго зодчества, митрополитъ Іона распространилъ на довольно обширную область. При многихъ ярославскихъ церквахъ сохранились грамоты и клировыя вѣдомости, изъ которыхъ видно, что разрѣшеніе и благословеніе на постройку ихъ получалось изъ Ростова Великаго ¹⁾. При такомъ положеніи дѣла возможность направлять церковное строительство у митрополита была значительная. Митрополитъ Іона, однако, не навязываетъ своихъ художественныхъ вкусовъ, хотя самъ, въ своихъ многочисленныхъ постройкахъ, никогда не измѣняетъ имъ. Громадныя богатства ростовской митрополіи давали полный просторъ для осуществленія зодческихъ замысловъ митрополитовъ. При архіерейскомъ домѣ до учрежденія монастырскаго приказа насчитывалось до 16,340 душъ крестьянъ ²⁾. Такое богатство давало возможность содержать цѣлыя команды собственныхъ мастеровъ и художниковъ. Однако «манія строительства» не особенно владѣла ростовскими владыками: ею былъ одержимъ только Іона Сысоевичъ, другъ и до нѣкоторой степени сподвижникъ патріарха Никона, да его ближайшіе преемники, не обладавшіе его размахомъ и вкусомъ.

Широкое строительство митрополита Іоны интересно еще и тѣмъ, что въ немъ сказались не столько его личныя качества и стремленія, сколько властолюбивые идеалы русской церковной іерархіи конца XVII вѣка.

Біографія Іоны Сысоевича не блещетъ никакими яркими фактами, позволяющими взглянуть въ его душу. Вся дѣятельность его такъ же не производитъ впечатлѣнія чего-то крупнаго, титаническаго: около пламенной фигуры Никона онъ кажется скромнымъ, покорнымъ и добродушнымъ сельскимъ попомъ; но успокоиться на такой харак-

¹⁾ Труды VII археолог. съѣзда. Томъ III. 1887 г.

²⁾ А. Тютчевъ. Кремль Ростова Великаго. М. 1905 г.